

подстругившим орудием не сразу, а долгое время существовала лишь как пахотное орудие при подсечном земледелии наряду с ралом, которое оставалось основным орудием для обработки старопахотных полей. Сосуществование сохи и рала было характерно, по мнению советского историка Г. Е. Кочина, и для лесной полосы Северной России⁵.

Происхождение сохи К. Вилкуна связывает генетически с граблеобразным ручным орудием (*hara, koukkari*), имевшим на подсеке сходную с сохой функцию, им разрыхляли землю и заделывали семена. В общем К. Вилкуна подтверждает мысли тех русских и советских исследователей, которые считают исходной формой сохи вершалину или суковатку⁶.

Усовершенствование сохи при помощи перекладной полицы К. Вилкуна называет «гениальным изобретением». Более старой формой полицы автор считает узкую полицу (*ruotti*). Постепенно наконечник полицы стал шире (*luotin*, букв. лопата). Автор оставляет открытым вопрос о времени и ареале формирования полицы. Между тем известно, что славянская соха, проникшая в XII в. из Новгородской земли на север, уже могла иметь полицу. Советскими учеными установлено, что основной формой сохи на Руси на рубеже XIII—XIV вв. (в Новгородской земле, может быть, несколько раньше) стала двузубая соха с перекладной полицей⁷.

Новой для нас является точка зрения К. Вилкуна о технике пахоты. Он считает, что такие древние приспособления, как оглобли с поворотными досками у рала и так называемая обжа с изгибом у сохи, когда-то играли еще другую роль. Они позволяли при вспашке переваливать вспаханный пласт земли⁸.

В рецензируемой книге рассмотрены и вспомогательные при пахоте орудия, изучение которых порой помогает установить более древнюю форму основного пахотного орудия. С этой точки зрения анализируется резак. В Финляндии зафиксировано два типа этого орудия (*viuhka, viili*). Резак западной Финляндии представлял собой отдельное орудие. Резак в восточной Финляндии образовался путем прикрепления к корпусу местного пахотного орудия — сохи-бруска с ножом. К числу очень древних вторичных орудий К. Вилкуна относит и бороздник (*sitke*), которым намечали посевную полосу.

Старинные пахотные орудия сохранились в Финляндии до недавнего времени и употреблялись для работ второстепенного значения, а также для проведения и запахивания борозд при обработке картофеля. Автор книги — сын крестьянина и мог лично наблюдать работу описанных в книге орудий.

В рассматриваемой нами книге наряду с историей финских пахотных орудий фактически описывается история развития пахотных орудий в Северной и Восточной Европе.

К сожалению, К. Вилкуна не уделил должного внимания экономическому и социальному положению крестьян. Как известно, более архаичные черты в земледельческой технике всегда сохранялись у более бедных слоев крестьянского населения.

Отрадно, что автор книги рассматривает процесс развития земледельческой техники в историческом плане; он хорошо знаком с русской и советской литературой, что, по-видимому, объясняет близость теоретических взглядов, высказанных в книге, к теоретическим взглядам некоторых советских исследователей в этой области науки.

Л. Феоктистова

⁵ Г. Е. Кочин, Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в., М. — Л., 1965, стр. 78.

⁶ См. Д. В. Найдич-Москаленко, О принципах классификации русских пахотных орудий, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 45.

⁷ А. Д. Горский, Сельское хозяйство и промыслы, в кн. «Очерки русской культуры XIII—XV веков», т. I, М., 1969, стр. 75.

⁸ См. статью К. Вилкуна в настоящем номере журнала.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века — 1867 г.). М., 1971, 275 стр., с илл., прилож.

«История Аляски до ее продажи США в 1867 г. — это одна из страниц истории России» — так начинается книга С. Г. Федоровой, и слова эти определяют очень многое. В истории России страница, отведенная русским поселениям в Новом Свете, коротка, однако события эти органически связаны с общим ходом освоения сибирского Севера, с основными закономерностями процесса заселения необъятных территорий, лежащих к востоку от Каменного Пояса.

Эти процессы глубоко и всесторонне исследованы и в значительной степени разрешены автором рецензируемой работы, представляющей собой сводный труд по истории открытия и заселения Русской Америки.

Обращает на себя внимание обилие и многообразие источников, положенных в основу работы. Это прежде всего неопубликованные документы советских архивов, Музея землеведения МГУ, рукописных отделов библиотек им. В. И. Ленина и им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также материалы Национального архива США.

Автор в полной мере использовал отечественную и зарубежную литературу по Русской Америке, в том числе новейшие американские археологические и этноисторические исследования, проводившиеся в местах бывших русских поселений на Аляске и в Калифорнии.

Книга открывается главой о ранних русских поселениях на Аляске. Материалы главы выходят за хронологические рамки работы, охватывая эпоху, предшествовавшую Второй Камчатской экспедиции В. Беринга — А. Чирикова 1741 г. и появлению русских промышленных людей на островах Алеутской гряды. История возникновения ранних поселений русских выходцев на Аляске весьма туманна. В основе ее лежат смутные и противоречивые предания. С. Г. Федорова впервые приводит в стройную систему весь круг вопросов, связанных с историей ранних русских поселений на Аляске. В советской и американской литературе неоднократно шла речь о двух вероятных русских поселениях на северо-западе Северной Америки: одно из них связано с таинственной рекой Хеуверен, другое, якобы, находилось на Кенайском полуострове. Наибольшего внимания заслуживает версия о русском поселении, которое по данным чукчи Н. И. Дауркина (1765 г.) находилось на р. Хеуверен против Чукотского Носа. Долгое время предполагали, что р. Хеуверен — это Юкон. Однако в 1950-х годах М. Б. Гренадер и М. Б. Черненко пришли к заключению, что Хеуверен идентичен р. Кузитрин, пересекающей с востока на запад п-ов Сьюард¹. Такое же мнение высказала в 1964 г. американская исследовательница Д. Дж. Рей².

С. Г. Федорова на основании scrupulous анализа рукописных картографических материалов второй половины XVIII в. и письменных источников XVIII и XIX вв. пришла к несколько неожиданному выводу, что р. Хеуверен идентична р. Коюк, впадающей с северо-востока в глубокий залив Нортон. В среднем течении Коюка, по мнению автора, и могло располагаться поселение русских выходцев, следы которого безуспешно пытались отыскать на Юконе и Кузитрине русские и американские исследователи. С. Г. Федорова считает, что это поселение могло быть основано либо пропавшими без вести спутниками Ф. Попова и С. Дежнева в 1648 г., либо какими-то неизвестными русскими мореходами, занесенными к берегам Аляски в третьей четверти XVII в.

Она подвергает критике широко распространенную версию о другом русском поселении, якобы существовавшем в XVII в. на Кенайском полуострове. Автор показывает, что так называемому кенайскому поселению русское происхождение было приписано американцем Т. С. Фаррелли без должных на то оснований и что обнаруженные в 1937 г. остатки построек были, скорее всего, эскимосскими жилищами, построенными в середине XVIII в.

С. Г. Федорова критически разбирает также еще одну недостаточно изученную версию о поселениях, якобы основанных на американских берегах спутниками А. И. Чирикова, потерявшимися в 1741 г. на о. Якоби. Используя материалы новейших исследований немецкого историка Э. Фёльки³, испанской исследовательницы Э. Вила-Вилар⁴, а также документы Российско-Американской компании, С. Г. Федорова приходит к заключению, что совершенно определенные указания испанских мореплавателей — Мартинеса и де Аро, описавших в 1788 г. реально существовавшие в Уналашке и островах залива Аляска русские фактории, были превратно истолкованы спустя 30 лет чиновниками Российско-Американской компании, которые по своему произволу, наименовав жителей этих поселений «потомками» людей с корабля А. И. Чирикова, «передвинули» и местонахождение этих поселений далеко на юг, в район устья р. Колумбии.

Появление русских к востоку от Берингова пролива в XVII в. было предвестием грядущего заселения Аляски, путь к которой был открыт в ходе Второй Камчатской экспедиции. Поэтому проблема ранних русских поселений рассматривается С. Г. Федоровой как начальный этап широкого колониационного процесса.

Об основных этапах образования постоянного русского населения в Русской Америке говорится во второй главе книги. Автор останавливается на общих предпосылках

¹ М. Б. Гренадер, Северо-Восточная географическая экспедиция. 1785—1795, Автореф. канд. дис., М., 1956; М. Б. Черненко, Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг., «Летопись Севера», т. II, М., 1957.

² D. J. Ray, Kauwerak. Lost Village of Alaska, «The Beaver», Winnipeg, Autumn, 1964.

³ E. Völkl, Russland und Lateinamerika. 1741—1841, Wiesbaden, 1968.

⁴ E. Vila Vilar, Los rusos en América. Sevilla, Escuela de estudios hispanoamericanos, 1966.

колонизационного процесса в Сибири, подчеркивая, что на ее восточных рубежах к середине XVII в. основой складывавшегося постоянного русского населения были не земледельцы, а промышленные, служилые и торговые люди.

С. Г. Федорова особое внимание уделяет вопросу о первых достоверно известных постоянных русских поселениях на Алеутских островах и Аляске. С этой целью она привлекает материалы исследований И. Е. Вениаминова, В. Н. Верха, П. А. Тихменева и недавно опубликованные материалы третьей экспедиции Дж. Кука, посетившей в 1778 г. русское поселение на Уналашке⁵. Автор приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что постоянные поселения, основанные в 1784—1786 гг. в Северо-Западной Америке Г. И. Шелиховым, не были, как это принято считать, первыми, а лишь продолжили сложившуюся у русских традицию ведения зверобойного морского промысла на основе постоянных опорных баз.

С 1784 г. начинается интенсивное заселение островов и материкового побережья залива Аляска. Автор уделяет много внимания истории этих поселений, уточняет их локализацию и время возникновения. Подобные же изыскания проведены автором и в отношении поселений, основанных впоследствии Российско-Американской компанией. С. Г. Федоровой составлена карта русских поселений на Аляске с 70-х годов XVIII в. по 1867 г. (карта № 4, стр. 120), представляющая большую научную ценность.

Завершив характеристику формирования очагов расселения выходцев из России на Аляске и в Калифорнии, С. Г. Федорова переходит к оценке динамики численного состава русского населения в Русской Америке с 1778 до 1867 г., т. е. почти за 90-летнее существование Российских колоний в Америке (см. таблицу в приложении). Приводятся сведения о динамике численного состава аборигенного и «креольского» (метисного) населения и отмечается рост этой группы при одновременном сокращении некоторых групп аборигенов (в частности, алеутов). С. Г. Федорова отмечает, что приток дееспособного населения из метрополии сильно тормозился не только ограничительными мероприятиями русского правительства, но и самой Российско-Американской компанией, которая в силу своих ограниченных возможностей не ориентировалась на массовое привлечение переселенцев из России, а стремилась в основной отрасли хозяйства — морском зверобойном и пушном промыслах — использовать главным образом аборигенное население. Умышленно сдерживая приток переселенцев из метрополии, компания ослабила свои позиции в Северо-Западной Америке.

Развивая исследования, начатые в 1952 г. О. М. Медушевской⁶, и широко используя архивные данные, автор приводит интересные сведения о социальных категориях русского населения исследуемых районов. В отличие от 50-х — начала 80-х годов XVIII в., когда основной частью колонизационного потока были крестьяне Севера Европейской России, в первое тридцатилетие деятельности Российско-Американской компании (1799—1829 гг.) на первое место выдвинулась иная социальная категория — мещане из сибирских городов. Автор обращает особое внимание на то, что это были выходцы из российских губерний, не знавших крепостного права, а это, несомненно, имело огромное значение для зарождения духа вольного предпринимательства. К сожалению, анализ социального состава колонистов с учетом районов их выхода ограничен в монографии 1829 г., и пока еще невозможно получить полного представления о последующих сдвигах, связанных с изменениями, происходившими в характере развития некоторых промышленных предприятий и занятости на них населения, прибывшего из метрополии. В монографии только намечен, но нуждается, на наш взгляд, в более углубленном изучении и развитии вопрос о невозможности в конце XVIII — первой половине XIX в. широкой массовой крестьянской колонизации Аляски.

В третьей, заключительной главе идет речь о становлении особого уклада, который развивался «за тридевять земель» от основных центров российской метрополии, в крайне неблагоприятных природных условиях, в эпоху, когда самодержавно-крепостнический строй и его порождение — монополия Российско-Американская компания — препятствовали вольной колонизации отдаленных окраин гигантской империи. Картина, нарисованная автором, чрезвычайно интересна и своеобразна, и нельзя не отметить, что это итог кропотливого изучения фрагментарных данных, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. Как показывает С. Г. Федорова, в 40—60-х годах XIX в. несколько сот русских поселенцев было рассредоточено на небольшой территории Северо-Запада Северной Америки в 32 пунктах.

Автор подробно описывает поселения различных типов: поселения-крепости, редуты и так называемые одиночки — небольшие опорные пункты, основанные во внутренних районах Аляски — на берегах Юкона, Кускоквима, Нушагака. Большое внимание уделено хозяйственному укладу этих поселений и системе их снабжения. В результате анализа большого материала автор пришел к выводу: упадок морского зверобойного и пушного промыслов, а следовательно, и уменьшение доходов Российско-Американской компании связаны были не с сокращением поголовья морского зверя, а главным образом с недостаточным числом рабочих рук в 40—60-х годах XIX в. Ослабление позиций Российско-Американской компании в свою очередь пагубно отразилось на судьбе ее владений. О весьма нелегких условиях материальной жизни обита-

⁵ С. Г. Федорова, Русское население Аляски и Калифорнии..., стр. 108.

⁶ О. М. Медушевская, Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке, Автореф. канд. дис., М., 1952.

телей Ново-Архангельска дает отличное представление таблица 7, в которой приведены данные о годовом бюджете рядового поселенца Ново-Архангельска 1860 г. Используя неопубликованные записки служащих Российско-Американской компании К. Т. Хлебникова и Д. И. Недельковича, а также широко известные дневники руководителей русских кругосветных экспедиций, автор воссоздает также условия жизни и быта поселенцев в различных местах Русской Америки, типы их жилищ, виды одежды, особенности пищевого рациона.

Центральное место в главе отведено важной проблеме — культуре русского населения Северо-Западной Америки и взаимовлиянию русской и аборигенной культур, просветительской деятельности отдельных представителей русской православной церкви. Автор подчеркивает, что созданные на Аляске и Алеутских островах стойкие очаги русской культуры оказывали влияние на аборигенное население. Влияние русской культуры, как это убедительно демонстрирует автор, не прекратилось и после продажи России в 1867 г. Аляски США. С. Г. Федорова приводит свидетельства американской исследовательницы Х. Шенитц, которая в 1953 г., т. е. спустя 86 лет после перехода Аляски во владение США, писала: «Элементы русской культуры, занесенные русскими земледельцами (а люди эти в большинстве покинули Аляску почти 100 лет назад), сохранились с удивительной полнотой у туземного населения, особенно у алеутов, а также у эскимосов, живущих на берегах Бристольского залива. Кроме множества слов явно русского происхождения и приверженности к православному ритуалу, отмечают и некоторые параллели в местной и русской крестьянской культуре»⁷. К аналогичным выводам приходят и американские археологи и этноисторики Дж. У. Ван Стоун и У. Х. Освальт, которые отмечали, что признаком русского влияния «является та гордость русским наследием, которую проявляют иные эскимосы Кускоквима»⁸.

Следует отметить, что автором выявлены в архивах очень важные описания и картографические материалы, связанные с походами И. Кобелева, П. Корсаковского, плаваниями А. П. Авинова, В. С. Хромченко и А. К. Этолина, И. Я. Васильева. С. Г. Федорова уточняет маршруты и задачи экспедиций, биографические сведения о русских исследователях, до настоящего времени крайне слабо освещенные в нашей историко-географической литературе.

Издательство «Наука» выпустило труд С. Г. Федоровой в превосходном оформлении. Весьма оригинально (с использованием мотивов подлинной рукописной карты XVIII в.) сделана суперобложка, интересны титульный и контртитuleльный листы. Важно отметить, что книга снабжена хорошо составленными указателями — именным и географическим. Оригинальные иллюстративные материалы XIX в. впервые вводятся в научный оборот.

Книга С. Г. Федоровой — итог многолетней работы по истории открытия и заселения русскими Северо-Западной Америки — может по праву рассматриваться как ценный вклад в советскую этнографическую науку.

Я. М. Свет

⁷ Н. А. Shenitz, *Vestiges of old Russia in Alaska today*, «Proc. of IV Alaskan Science Conference, 1953», «Science in Alaska», July, 1956.

⁸ Дж. У. Ван Стоун, У. Х. Освальт, *Русское наследие на Аляске (перспективы этнографического изучения)*, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 131.

Paul Kane's Frontier. Including wanderings of an artist among the Indians of North America by Paul Kane. Edited with a biographical introduction and a catalogue raisonné by J. Russel Harper. Austin, 1971, 350 p.

Полное издание наследия художника Пола Кейна, предпринятое по инициативе Митчела А. Уайлдера, директора Музея искусства Запада имени Амона Картера в г. Форт Уорте (США), составит значительный вклад в публикации этого музея, посвященные изучению искусства и истории Запада Соединенных Штатов Америки. Основанный в 1961 г. музей уже опубликовал ряд весьма ценных по содержанию и прекрасно изданных книг, многие из которых представляют интерес для этнографов¹.

Резеңзируемая книга-альбом — результат работы Д. Рассела Харпера, который тщательно исследовал и свел воедино огромный материал, разбросанный в разных местах. Книга великолепно издана, имеет обширный, вдумчиво сделанный аппарат. Пожалуй, единственным недостатком издания является отсутствие карты путешествий Кейна.

Д. Рассел Харпер — автор живо написанных введения, биографии П. Кейна, систематизированного каталога иллюстраций; он же редактор текста «Путешествий». Хар-

¹ Напп., Robert V. Hine, *Bartlett's West*, New Haven, 1968; Alvin M. Josephy, Jr., *The artist was a young man*, Fort Worth, 1970.